

Амели Нотомб

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ГРАФА НЕВИЛЯ

РИКЕ
С ХОХОЛКОМ

Санкт-Петербург

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ГРАФА НЕВИЛЯ

Скажи кто-нибудь графу Невиллю, что он пойдет однажды к гадалке, тот бы не поверил. А уточни этот кто-нибудь, что пойдет он туда в поисках своей дочери, сбежавшей из дому, этот чувствительный человек, наверно, упал бы в обморок.

Ему открыл, очевидно, секретарь и провел его в приемную: — Мадам Портандюэр очень скоро вас примет.

Как будто на приеме у дантиста. Невиль сел, держа спину прямо, и озадаченно оглядел тибетские узоры, украшавшие стены. Оказавшись в кабинете гадалки, он сразу спросил, где его дочь.

— Малышка спит в соседней комнате, — ответила дама.

Невиль боялся слово вымолвить: неужели с него потребуют выкуп? Гадалка, женщина без возраста, энергичная, упитанная, очень подвижная, продолжала: — Вчера за полночь я гуляла в лесу недалеко от вашего замка. Луна была полная, светло, как днем. Там-то я и наткнулась на вашу дочь, которая лежала, свернувшись клубочком, у нее зуб на зуб не попадал. Говорить она не желала. Я убедила ее пойти со мной: девочка замерзла бы насмерть, если бы осталась в лесу. Когда мы пришли сюда, я хотела сразу позвонить вам, чтобы успокоить, но она сказала, что это ни к чему: вы, мол, даже не заметите ее исчезновения.

— Так и есть.

— Поэтому я позвонила вам только утром. Месье, как такое возможно, что вы не заметили отсутствия вашей дочери?

— Мы поужинали, и она поднялась в свою комнату, как обычно. Наверно, она вышла из дому, когда мы уже легли.

— Какой она была за ужином?

— По своему обыкновению, не произнесла ни слова, почти ничего не ела и выглядела неважно.

Гадалка вздохнула:

— И вас не тревожит, что ваша дочь в таком состоянии?

— Ей семнадцать лет.

— Этого объяснения вам достаточно?

Невиль нахмурился. По какому праву эта женщина учиняет ему допрос?

— Я догадываюсь, что мои вопросы вам неприятны, но это я нашла вашу дочь в лесу глубокой ночью. Представьте мое удивление. Когда я спросила, не назначено ли у нее любовное свидание, она так посмотрела на меня, будто изумилась.

— Правда, это не в ее духе.

— А что в ее духе?

— Не знаю. Она неразговорчивая девочка.

— Вы никогда не думали, что ей нужна психологическая помощь?

— Она замкнута. Это не болезнь.

— Да, но она убежала из дому.

— Это впервые.

— Месье, как-то вы не слишком встревожены.

Невиль подавил гнев: с какой стати его судит незнакомая женщина? Когда гадалка утром позвонила ему, известие его потрясло. Но он был не из тех, кто выказывает свои эмоции.

— Ладно, я понимаю, что вмешиваюсь не в свое дело, — снова заговорила она. — Но видели бы вы ее, продрогшую, одну в лесу. Она не прихватила с собой ни одеяла, ни пальто. Эта малышка меня тронула, ей так неуютно жить на свете. Не знаю, интересуют ли вас вообще ее чувствования.

Последнее слово было для графа как пощечина. Он не впервые его слышал. Вот уже несколько лет, по неясным причинам, людей перестали удовлетворять такие слова, как «чувства», «ощущения» или «впечатления», которые между тем прекрасно выполняли свою роль. Нет, им надо было испытывать чувствования. Невиль не переносил этого словечка, столь же смешного, сколь и претенциозного.

Гадалка уловила его раздражение и сказала себе, что удар попал в цель: теперь отец девушки будет серьезнее относиться к своему долгу.

Невиль встал, давая понять, что с него хватит. Гадалка нагнала его и схватила за руку жестом, полным энтузиазма, как бы принимая его сторону, но, коснувшись его ладони, она изменилась в лице.

— Вы скоро устраиваете большой праздник, — сказала она.

— Да, в самом деле.

— На этом приеме вы убьете одного из гостей.

— Что-что? — воскликнул граф, побледнев.

Гадалка выпустила его руку и улыбнулась:

— Успокойтесь. Все будет хорошо, просто чудесно.

Идемте, разбудим вашу дочь.

Если бы не это предсказание, прозвучавшее неожиданно, граф дал бы в эту минуту волю чувствам. Но, входя в комнату, он выглядел еще более замкнутым, чем обычно.

Девушка, лежавшая на раскладной кровати, не спала.

— Здравствуй, папа, — медленно произнесла она.

— Здравствуй, милая. Как ты себя чувствуешь?

Не слушая ответа, он повернулся к гадалке в надежде, что она оставит их одних. Но той явно хотелось присутствовать при встрече отца и дочери: она, вытянув шею, таращила свои круглые глаза.

Словно глядя на эту сцену со стороны, граф заставил себя изобразить эмоции, которые испытал бы, не будь пророчества и пророчицы. Он сжал в объятиях свою девочку, реагиовавшую, по обыкновению, равнодушно.

— Идем домой, — сказал он.

Мадам Портандюэр хотела было предложить им завтрак, но дочь выручила отца: — Спасибо, мадам. Мама будет волноваться.

— Зови меня Розальбой и говори мне «ты», хорошо?

— Да, — кивнула девушка, явно надеясь, что ни одна из этих двух возможностей ей впредь не представится.

— Если тебе будет необходимо с кем-то поговорить, я всегда к твоим услугам, — добавила женщина, вручив ей визитную карточку.

Она снова увлекла Невиля в свой кабинет, как будто этот эпизод давал ей право контроля над его поведением.

— Вы должны проявлять больше теплоты к вашей дочери, — сказала она.

Он хотел было возразить, что исключительно по ее вине ему это не удалось, как вдруг она озадачила его вопросом: — Почему вы так ее называли?

— Как?

— Кто же называет свою дочь Серьёзой?

— Почему нет? — пожал плечами граф и подумал про себя: «Вас же нарекли Розальбой».

— Кто серьёзна в семнадцать лет?

— Вы погрешили против грамматики. С местоимением «кто» употребляется мужской род.

Гадалка покачала головой:

— Похоже, с вами не все ладно, месье.

— Довольно, мадам. Вы спасли мою дочь, и я вам за это искренне благодарен. Если вы не возражаете, закончим на этом.

По пути к замку Невиль изо всех сил старался вести себя как отец, вновь обретший беглянку-дочь.

— Ты хочешь мне что-нибудь сказать, милая?

— Ничего особенного, папа.

— Почему ты убежала?

— Я просто хотела провести ночь в лесу. Гадалка нашла меня и назвала это бегством. Если бы не она, я вернулась бы в свою комнату на рассвете, и никто бы ничего не заметил.

— Почему ты не сказала этого ей?

— Я сказала. Но она стояла на своем, она считает, что все подростки убегают из дому.

— А почему ты хотела провести ночь в лесу?

— Чтобы узнать, каково это.

— Это было в первый раз?

— Да.

— Ты могла замерзнуть насмерть.

— Я понятия не имела, что так продрогну в сентябрьскую ночь.

Граф подумал, что ему нечего возразить против такого поведения.

— А ты знаешь, что в твоём возрасте я тоже провел ночь в лесу, как ты?

— Да ну?

— Если ты не против, мы ничего не расскажем маме. Не то она разволнуется.

— Хорошо.

Гордый тем, что ему удалось по-настоящему поговорить с дочерью, Невиль расслабился, но тут ему вспомнилось предсказание гадалки. В первое воскресенье октября в замке Плювье должна была состояться знаменитая ежегодная garden-party¹. Важное светское событие в этом уголке бельгийских Арденн. Об отмене нечего было и думать. Невиль приходил в ужас от одной мысли, что убьет своего гостя. Это предосудительно. И подумать только, что ему предстояло совершить такую оплошность, когда речь шла о самой последней garden-party в Плювье!

Да, семья была разорена; 2 ноября они должны были навсегда покинуть замок. Тем большее значение Невиль придавал этому заключительному приему, на котором собирался восславить семейную честь, в последний раз порадовав своих гостей. Вряд ли убийство одного из них могло этому поспособствовать.

Лопнула шина. Ни отец, ни дочь не умели менять колесо.

— Мы всего в двух километрах от Плювье, пойдем пешком. Я пошлю твоего старшего брата заняться машиной.

Не разговаривать, когда ведешь автомобиль, нормально и даже пристойно: водитель должен быть сосредоточен на дороге. А вот хорошо ли не разговаривать, когда идешь пешком, — вопрос более спорный. Граф силился найти подходящие к случаю слова: — Расскажи мне про твою ночь в лесу, милая.

— Сначала все было чудесно. Ухала сова, в воздухе

хорошо пахло. Я легла на мох, на подушку из опавших листьев, слышала, как пробегают косули. Но очень скоро я замерзла, и все стало враждебным.

— Ты могла вернуться домой хотя бы за одеялом.

— Я поклялась себе, что не вернусь.

Он улыбнулся. Такое пари представлялось ему типичным для подростка.

— А потом пришла мадам Портандюэр. Она дала мне свой плащ, она добрая, но... не знаю, как сказать.

— Я, кажется, тебя понимаю.

— Она искала какие-то особые грибы, которые надо собирать после полуночи.

— Вот как.

— Штучки гадалки, я думаю.

Невиль вспомнил наставление этой женщины: она призывала его проявить интерес к «чувствованиям» дочери. Понадеявшись, что у Серьёзы нет идиосинкразии на это слово, он сделал попытку: — Расскажи мне про твои чувствования, милая.

— Про мои — что?

— Твои чувствования.

Ему было стыдно даже произносить это слово.

— Извини, папа, этот вопрос смешон.

Успокоившись, он промолчал.

Вдали показалась башня замка, возвышающаяся из самого сердца леса. Граф почувствовал, что дочь разделяет его волнение: как они любили свой дом! Как страдали при мысли, что потеряют его!

Тяжелее всего было пережить, что они утратили возможность защитить это гнездо. В Бельгии не

существует закона об охране исторических памятников. Ничто не мешает будущим владельцам снести это здание 1799 года и вырубить окружавший его вековой лес. То, что замок перестанет им принадлежать, — это было еще полбеды, но одна мысль о том, что он будет разрушен, — разрывала им сердце.

— Печально, правда?

— Да.

Было бы недостойным добавить хоть слово. Оба понимали, что в 2014 году скорбь об утрате фамильного замка совершенно неприлична. Чудо уже то, что им удавалось сохранить Плювье так долго, в этом граф де Невиль отдавал себе отчет.

За ними в любом случае оставался домик у подножия замка, Добродей, где жили когда-то арендаторы: остаться без крова им не грозило. Зато, если новый владелец будет сносить замок и рубить лес, им предстоит лицезреть катастрофу из первых рядов.

¹ Прием в саду (англ.).

— Где вы были? — спросила графиня при виде входящих мужа и дочери.

— На мессе, — сымпровизировал Невиль.

— На мессе? Что это вам в голову пришло?

— У меня были чувствования, — сказала Серьёза.

— О чем это ты?

— Это шутка, — ответил граф. — Орест, у меня лопнула шина. Я оставил машину на обочине, на полпути от деревни. Ты можешь ею заняться?

Молодой человек тотчас отправился выполнять поручение. Невиллю до сих пор не верилось, что этот высокий, атлетически сложенный парень двадцати двух лет от роду, помешанный на механике и так хорошо ориентирующийся в современной жизни, приходится ему сыном. Ту же гордость с примесью растерянности он испытывал, глядя на Электру, свою двадцатилетнюю дочь, красивую, прелестную и обладавшую всеми талантами. Единственной из его детей, в ком он узнавал себя, была Серьёза, неуклюжая, молчаливая, которой было не по себе в этой жизни.

Когда его спрашивали, почему он назвал своих старших Орестом и Электрой, он без тени смущения отвечал, что так принято в лучших домах. Когда же задавали вопрос об имени младшей дочери, удивляясь, мол, было бы логично назвать ее Ифигенией, он говорил:

— Я терпимее отношусь к отцеубийству и матереубийству, чем к детоубийству².

Он также возмущался, если его за это порицали. В пору, когда детям дают самые несуразные имена, он находил свой выбор весьма умеренным и даже классическим.

И больше всего нападок вызывало имя младшей.

— Вы считаете серьезность первостепенной добродетелью?

— Конечно. Я, кстати, не открыл Америку. Имя Эрнест означает серьезный.

— Почему же тогда не Эрнестина?

— Эрнестина — безобразное имя. Серьёзен звучит не очень красиво, но Серьёза — прекрасно.

— Вам не кажется, что вы льете воду на мельницу тех, кто утверждает, что имена у аристократов — это просто туши свет?

— Послушайте, мою жену зовут Александра, меня Анри, самые обычные имена.

Свет не видывал более влюбленного мужа, чем граф де Невиль. Ему было сорок, когда он встретил свою будущую жену, та была на двадцать лет его моложе. Он с первого взгляда влюбился в девушку ошеломительной красоты.

В ту пору он уже возглавлял самый престижный гольф-клуб Бельгии «Равенстайн», где постоянно организовывал светские мероприятия. Не будучи богатым, он, однако, пользовался превосходной репутацией. Но его личная жизнь была чередой фиаско, и он думал, что обречен умереть холостяком.

— Вечно ты выбираешь женщин слишком красивых для тебя, — говорили ему друзья.

Но что он мог поделать, если красота имела над ним такую огромную власть? Он пытался влюбиться в девушек заурядной, как у него, внешности — тщетно.

Женская красота была его тяжелым наркотиком: в присутствии красивой женщины Невиль воспарял и мог созерцать ее без усталости, не ведая привыкания.

Александра превосходила красотой всех молодых особ, на которых он западал прежде. Он думал, что у него нет никаких шансов, но ошибался. Уже на втором свидании она воскликнула:

— Вы мне нравитесь! Перейдем на «ты»?

Помимо прочих достоинств, Александра была полна жизни. Анри влюбился без памяти. Родные не одобрили его страсти к этой девушке, происходившей из самого захудалого дворянского рода.

Его отец Окассен де Невиль, человек шумный и властный, воспротивился этому браку:

— Я запрещаю тебе жениться на этой девушке. Я тебе же оказываю услугу: ты любишь ее исключительно за красоту. Когда она с годами подурнеет, ты меня еще поблагодаришь.

Но Анри не отступился. На дворе был 1990 год, и он считал, что не нуждается для женитьбы в родительском благословении. Он любил и уважал своего отца, но его возмущало, что тот отвергает Александру по сословным мотивам.

Свадьба состоялась в роскошных садах Равенстайна³. Анри и Александра были вместе уже

четыре года, и было ясно, что это любовь до гробовой доски. Окассен тем не менее предрекал несчастья такому союзу. Вскоре после этого он умер.

² Имеется в виду миф об Атридах: Орест с помощью своей сестры Электры убил свою мать Клитемнестру в отмщение за убийство ею ее мужа и его отца Агамемнона. Ранее Агамемнон по указанию прорицателя Калхаса был готов принести в жертву богам еще одну свою дочь, Ифигению, но во время жертвоприношения богиня Артемида заменила девушку ланью. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

³ Имеется в виду замок Равенстайн (бывшая собственность короля Леопольда II), в котором теперь разместился Королевский гольф-клуб Бельгии.

Анри радовался, что пренебрег отцовским запретом: женитьба на Александре была лучшим поступком в его жизни. Окассен ошибался во всем: Анри полюбил свою жену не за одну только ее красоту, а красота эта с годами лишь возрастала. Теперь, в сорок восемь лет, Александра была еще ослепительнее, чем в двадцать. Ее неизменно хорошее настроение распространилось на окружающих и прежде всего на него: не будь ее, он погряз бы в меланхолии, за ним водился такой грех.

Он любил свою жену много больше, чем в первый день. Орест и Электра унаследовали ее красоту. «Если бы все в жизни так удалось мне, как мой брак, я был бы счастливейшим из людей», — думал он.

Впрочем, ему удалось многое, но, увы, не хватало только состояния. При своей скрупулезной честности, он на посту президента богатейшего гольф-клуба не нажил состояния, хотя на его месте человек менее совестливый сделался бы миллионером.

Выйдя в отставку три года назад, граф как мог урезал расходы, но все же не сумел помешать неизбежному: замок предстояло продать.

— Если бы мы хоть знали кому! — сокрушался он.

В этот кризисный период последние замки, принадлежавшие знати, шли с молотка: Кеттенисам пришлось продать Мерлемон, Нотомбам — Пон д'Уа⁴ и так далее. Невиль надеялся, что Плювье повторит достойную судьбу Мерлемона, купленного другой

семьей из бельгийского дворянства: поскольку подавляющее большинство семейств из этой среды состояли в родстве, Кеттенисы тешили себя иллюзией, что не совсем утратили свою вотчину.

Но надо было еще, чтобы на Плювье нашелся какой-нибудь респектабельный покупатель. Такого могло и не найтись. Чем мог привлечь Плювье, кроме своей красоты и изящества? В остальном достаточно было бросить взгляд, чтобы поставить печальный диагноз: кровля рушится, удобства отсутствуют, замок дышит на ладан. Все равно что пытаться выдать замуж юную бесприданницу, тут одной красоты мало. «Мы еще поторгуемся», — мысленно повторял Невиль, чтобы приободриться.

Увы, он знал, что от его желания мало что зависит. Даже если бы единственный подвернувшийся покупатель оказался боссом русской мафии, граф был не в том положении, чтобы привередничать. Он утешал себя тем, что никому не известный замок, затерянный в глуши бельгийских Арденн, вряд ли заинтересует московских воротил.

Его худшим кошмаром была перспектива, что Плювье будет куплен сетью фастфуда, старые стены снесут, лес вырубят, чтобы построить ресторан, автостоянку и игровую площадку во славу Диснея.

Невиль просыпался порой среди ночи в холодном поту от одной этой мысли. Смятение его было столь велико, что он представлял себе, чтобы отвлечься, garden-party 4 октября: да, последний праздник, который он даст в Плювье, ослепит великолепием. В

нем будет душераздирающая красота лебединой песни. Будет стоять прекрасная погода, как всегда в первое воскресенье октября в этих местах. Буки, обступившие замок, уже тронет багрянец, волнующий сильнее, чем первая зелень. В осеннем свете будет особенно прекрасен несказанный охристый цвет фасада, тот самый, который потенциальные покупатели припечатывали категоричным «Придется покрасить!», пробуждавшим в Невиле жажду убийства.

Слово не шло из головы. «На этом приеме вы убьете одного из гостей», — сказала гадалка.

«Это предсказание что-то мне напоминает», — подумал Анри. Ему вдруг захотелось перечитать новеллу Оскара Уайльда, в которой была рассказана подобная история. В библиотеке Плювье царил такой беспорядок, что отыскать нужную книгу было равносильно чуду.

Невиль предпочел отправиться в книжный магазин в ближайшую деревню. В каталоге он нашел название новеллы Уайльда: «Преступление лорда Артура Сэвила». У книготорговца как раз был один экземпляр. Вернувшись домой, Анри уединился с книгой и прочел ее залпом. Читая ее в молодости, он смеялся; теперь же понял, сколь серьезна эта история.

Собираясь жениться на прекрасной Сибил, в которую был безумно влюблен, лорд Артур Сэвил на светском рауте в Лондоне встретил знаменитого хироманта, и тот по линиям руки предсказал ему, что он совершит преступление. В отчаянии лорд Артур

всю ночь бродил по городу, после чего отложил свадьбу. Ему надо было скинуть с плеч грязную работу, прежде чем соединить свою судьбу с любимой. Мы не станем пересказывать здесь приключения этого английского лорда, разрывавшегося между противоречивыми требованиями долга, этикета и любви, дабы не лишать удовольствия читателей, которых, надеемся, найдется немало.

«И подумать только, что я смеялся над бедным лордом Артуром! — вздохнул Невиль, закрыв книгу. — Вдобавок мой случай во сто крат хуже, чем его. Он всего лишь узнает, что должен кого-то убить. Это может случиться с кем угодно, случайно или по тысяче других вполне приемлемых причин. Но я-то убью гостя на приеме, который сам же даю!»

Пробыв в главе «Равенстайна» сорок два года, Анри в совершенстве обладал умением принимать гостей. Его функции в клубе состояли в основном в организации коктейлей: в «Равенстайн» приходили даже те, кому на гольф было глубоко плевать. Назначить встречу в «Равенстайне» считалось верхом изыска. Ресторан клуба славился на всю округу, а атмосфера бара пленяла старомодным очарованием. Но сильнее всего посетителей притягивали сады, и Невиль достиг высокого мастерства в столь особом искусстве *garden-parties*.

В конце своей карьеры он подсчитал, что принимал тысячу человек в месяц. Понятно, что именно поэтому он едва ли не мифологизировал гостей. Из всего рода

человеческого гостей граф воспринимал как избранных.

Гость был тем, кого с надеждой ждали всю жизнь, к чьему приходу готовились с чрезвычайным тщанием: надо было заранее предусмотреть, как лучше ему угодить и как избежать всего, что могло стать источником малейшего недовольства. Поэтому гостя следовало знать, наводить о нем справки, не заходя, однако, слишком далеко, дабы не выказать неуместного любопытства.

Даже если бы речь шла лишь о выборе угощения или личных вкусах, и то подготовка была бы делом нелегким. Но главным оставалось общество: здесь должна была царить гармония. Кропотливое изучение совместимостей было сродни энтомологии: порой хозяин мог решить, что тот или иной гость будет рад присутствию другого, и обнаружить уже на приеме, что они друг друга ненавидят или прониклись этим чувством внезапно или граф упустил некий эпизод их отношений, что само по себе было непростительной ошибкой.

Все это делало гостя подобием мессии, и культ его был на поверку много сложнее культа Христа: заповеди последнего как-никак более или менее ясны, тогда как заповеди гостя вечно оказываются недоступны пониманию самого скрупулезного хозяина, а в случае их нарушения судить он будет куда как строго. На невинный вопрос: «Друг мой, вы читали последний роман Модigliano?» — он может ответить: «Полноте, сколько раз я вам повторял, что

никогда не читаю романов?» Хозяин оказывался, таким образом, грешен забвением предшествующего разговора.

Кара за такого рода оплошности, если они случались слишком часто, была неминуема: гость проявлял признаки недовольствия. Ему мог разонравиться прием, а может быть, и сам хозяин. Тот плохо подготовился к его приходу, этот недостаток такта мог стать для него роковым, и он должен был почитать за счастье, если гость после этого примет новое приглашение. Еще пара подобных промахов — и он мог получить кошмарную карточку: «Барон Ф. де С. сердечно благодарит вас за любезное приглашение. Увы, он уже приглашен в другое место и потому вынужден отклонить...» — и узнать потом, что на тот самый вечер, когда он его пригласил, барон принял приглашение, пришедшее позже.

Анри возмущало, когда при нем употребляли выражение «высокий гость». Этот чудовищный плеоназм допускал, что гость может иметь тот или иной статус. Конечно, граф знал, что короля встречают не так, как друзей детства. Однако принимал он каждого с почестями, достойными сатрапов Античности.

К счастью, все его усилия не пропали втуне. Невиль овладел искусством делать своих гостей счастливыми. Лучшим его учителем в этом деле был король Бодуэн, которого он принимал в «Равенстайне» в начале восьмидесятых годов. В тот памятный вечер он смотрел во все глаза за поведением короля. Тот

обращался к каждому так, будто ждал встречи с этим человеком всю жизнь: он впитывал его слова с самым горячим вниманием, какое только можно себе представить. Невиль был потрясен столь благородным обхождением и поклялся себе, что у него никогда не будет иного вдохновителя: нет, он не надеялся когда-либо сравняться с ним, но ему было дано хоть мельком увидеть грааль этикета.

Вот почему предсказание Розальбы Портандюэр было для него равносильно уничтожению его веры и его искусства. Как если бы шеф-повару сказали, что на следующем важном обеде у него подгорит блюдо, возведшее его в ранг легенды. Хуже того, он подаст отравленное яство, которое прикончит звезду гастрономической критики.

Если бы кому-то из его друзей напророчили нечто подобное и он рассказал бы об этом Анри, тот рассмеялся бы и посоветовал с непоколебимой убежденностью не верить рассказам кумушек. Увы, он был как все или почти как все: верил предсказаниям лишь в том случае, если они касались лично его. Даже самый картезиански настроенный скептик верит в свой гороскоп.

⁴ Речь идет о замке Пон д'Уа XVII в., принадлежавшем отцу писательницы барону Пьеру Нотомбу с 1937 по 1965 г.

— Что я слышу? — сказала Александра, входя в кабинет мужа. — Серьёза убежала из дому?

— Я видел ее в окно всего минуту назад.

— Не сейчас. Прошлой ночью. Прошу тебя, Анри. Мне только что звонила гадалка.

— Вот чума!

— Почему? Потому что она спасла нашу дочь?

— Она ее не спасла. Серьёза просто поставила опыт: хотела провести ночь под открытым небом.

— Не говори мне, что ты поощряешь подобные инициативы.

— Я их не осуждаю. В ее возрасте я делал то же самое.

— Это опасно.

— Куда менее, чем отправиться в город. Раз в кои-то веки Серьёза повела себя, как подобает в ее возрасте, и мне жаль, что эта мадам Портандюэр ей помешала.

— Ты бы предпочел, чтобы малышка провела всю ночь в лесу?

— Да. Это познавательно и поэтично. А эта кумушка звонит мне наутро, чтобы сообщить о бегстве нашей дочери! Что за идиотский лексикон!

— Тебя это не встревожило?

— Как раз наоборот. При слове «бегство» сразу представляешь себе что-то очень нехорошее. Серьёза изложила мне свою версию фактов. Не слушай эту

гадалку, прошу тебя. Тристан и Изольда были в возрасте нашей дочери, когда встречались ночью в лесу.

— Если бы еще был Тристан!

— Будет со временем.

Александра, вздохнув, вышла из кабинета. Граф и графиня разделяли глубокое разочарование по поводу их третьего ребенка.

Между тем прежде Серьёза была их самой большой гордостью. На всем свете было не сыскать такой живой, умной и веселой девочки. Хоть и не такая красивая, как старшие, она была изумительна. Из школы она приносила потрясающие оценки, получала похвальные грамоты, писала пьесы, в которых играли все ее одноклассники; ее жизнелюбие, казалось, не знало границ.

С домашними она всегда была ласкова, души не чаяла в родителях и сестре, с очаровательным лукавством поддразнивала брата, — в общем, свет не видывал такой чудесной девочки, и все прочили ей блестящее будущее.

А потом, в двенадцать с половиной лет, в одночасье и без видимой причины Серьёза вдруг погасла. Ее больше не было слышно. Она стала угрюмой, боязливой, замкнутой, словно жизнь из нее ушла. Ее школьные оценки, прежде отличные, были теперь посредственными. Хуже того, девочка как будто потеряла ко всему интерес. Она редко покидала свою комнату, где с ничего не выражающим лицом постоянно читала классиков.

Александра спрашивала дочь, не случилось ли с ней что-нибудь. Та со скучающим видом отвечала, что нет. Мать настаивала, и в конце концов та сказала, что растет, и это утомительно. Графиня не стала углубляться в тему и передала эти слова мужу.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он.

— Бывает, что переходный возраст портит детей. Моя сестра Беатрис до двенадцати лет была бойкой, веселой, жизнерадостной девочкой, как и наша Серьёза, а в отрочестве превратилась в унылую особу, которую ты знаешь.

Анри резанула беспечность, с которой жена говорила об этой метаморфозе. Мысль о том, что его дорогая девочка преобразится в унылое создание, как ее тетя Беатрис, повергла его в ужас. Он предпочел замять тему и сохранить надежду, что со временем дочь освободится от того, что походило на проклятие.

Еще и поэтому поступок девушки возбудил его симпатию. Впервые за пять лет дочь подала признак жизни. Анри хотелось видеть в этом пробуждение.

Решительно, эта гадалка невыносима: она прервала приключение Серьёзы, предсказала, что он убьет гостя на garden-party, да еще и позвонила Александре и сообщила, что ее дочь убежала из дому. С какой стати она вмешивается? Кто ее просил?

В раздражении он взял карточку и написал Розальбе Портандюэр:

Мадам, Вы позвонили моей жене. Я убедительно прошу вас больше этого не делать.

Кроме того, если вам снова случится встретить

мою дочь в лесу после полуночи, знайте, что она поступает так с моего разрешения, и оставьте ее в покое.

Добавлю также, что ваши предсказания не приветствуются.

Заверяю вас в моих рассерженных чувствованиях, Анри Невиль.

Он отправил это письмо с сознанием выполненного долга.

«К чему было выдумывать ад, если существует бессонница?» — спрашивал себя граф.

Он лег в полночь, проснулся через час в холодном поту и больше так и не заснул. В четыре часа утра, измученный тревогой, он встал, надел пальто поверх пижамы и вышел.

«И подумать только, что я пожалею об этом дне! На дворе уже октябрь. Это последние дни моей жизни, которые я проведу в Плювье. Если бы только я не был так привязан к этому окаянному замку!»

Он прошел в конец парка и сел на мокрую от росы скамью. Замок вырисовывался перед ним в еще черной ночи. Анри так хорошо его знал, что лучше различал в темноте, чем после восхода солнца.

«Да, моя самая давняя любовь, я покину тебя. Будь я бесчестен, имел бы тысячу возможностей набить карманы и не был бы вынужден тебя продать. Я знаю, все находят меня смешным, но в моих глазах честь несовместима с воровством».

Темный лес обступал его силуэтами, в детстве казавшимися ему воинами. И то сказать, армия бы пригодилась, чтобы помешать захватчикам разорить эти святыя места.

«Жизнь в замке! Если бы люди знали, что это такое! Из-за тебя, мой любимый, я подыхал от голода до восемнадцати лет, я подыхал от холода каждую зиму, а Бог мне свидетель, зима здесь длится полгода! Верно

говорят, что от любви до ненависти один шаг. Я ненавидел тебя, когда моя сестра Луиза умирала без медицинской помощи зимой пятьдесят восьмого, мне было двенадцать лет, а ей четырнадцать, нам не разрешалось произносить вслух название ее болезни, но недоедание и холод усугубили ее, до взрослого возраста я никогда не ел покупного мяса, надо ли говорить, что не это разбило мне сердце, а между тем мой отец любил Луизу безумной любовью, он просто был не способен изменить образ жизни, отказаться жертвовать всем ради видимости, не принимать со всей пышностью бельгийскую знать раз в месяц, пусть в остальное время приходилось прозябать в нищете».

Анри с содроганием вспомнил, как собралась вся семья вокруг окоченевшего тела Луизы, как плакала мать, как младшие сестренки смотрели, не понимая, и как сказал ему сквозь слезы отец: «Теперь ты мой старший».

«Я не такой, как Окассен. Хоть я и одержим искусством принимать гостей, но никогда не жертвовал благополучием моих близких. После смерти Луизы я пытался проникнуться к тебе отвращением, моя самая давняя любовь, убийца моей сестры, но мне это не удалось. Жить здесь — не жить, а защищать тебя: защищать, как осажденные защищают крепость. Вот что я понял в двенадцать лет. Луиза пала в битве, которая началась, когда Невили остановили свой выбор на этой земле — Плювье. Я выдерживал осаду с рождения до сегодняшнего дня. В шестьдесят восемь лет я проигрываю войну, которая

началась задолго до меня».

Ему, однако, были отрадны воспоминания о детстве. Как они играли с Луизой в подземных галереях, как исследовали огромный лес! Окассен был адвокатом. В арлонском суде присяжных он прославился, защищая отравительницу. На процессе в своей защитительной речи, ставшей притчей во языцех, он выдвинул незаурядный аргумент:

— Господа присяжные, я убежден в невиновности этой женщины и дам тому доказательство: если вы ее оправдаете, я клянусь перед вами, что найму ее поварихой для моих четверых детей.

Пораженные присяжные единодушно вынесли вердикт о невиновности подсудимой, и Окассен сдержал слово: Кармен Эвело получила место поварихи в Плювье. Положение завидное, а работы немного: стряпать было почти что нечего. Без преувеличения, Невили жили на сухом хлебе с водой. Раз в месяц Кармен готовила роскошные птифуры для пышных garden-parties. У нее сердце разрывалось при виде четырех детей, которые едва не падали в обморок, глядя на запретные для них канапе.

На приемах гости восхищались стройностью хозяев. Окассен, не моргнув глазом, говорил:

— Худоба Невилей. Кровь не лжет.

Это заявление опровергали портреты дородных и жирных предков на стенах каждой комнаты, но его это не смущало.

У Анри, однако, осталось восторженное воспоминание об этих светских раутах, потому что

после ухода гостей детям позволялось наброситься на остатки. Это был их пир.

До восемнадцати лет он ел яйца, рыбу и ветчину только на канапе раз в месяц. Эта пища казалась ему царской, снилась по ночам.

В ушах у него до сих пор стоял голос Луизы:

— Возьми себе лососину и ветчину, а мне оставь яйца, я их больше всего люблю!

Еще долго после ее смерти он сохранял привычку оставлять канапе с яйцами, предназначенные старшей сестре, чувствуя себя ее вдовцом.

В восемнадцать лет Анри уехал изучать право в университете Намюра. В столовой он обнаружил, что можно до отвала наесться кушаньями, о существовании которых он прежде не ведал, и теперь не отказывал себе в этом удовольствии. Однокашники смотрели на него с презрением:

— Как ты можешь жрать это дерьмо, им бы даже собаки побрезговали?

Но Анри было плевать. Не испытывать больше постоянного голода — ради этого стоило потерпеть насмешки. Именно в эту пору он наел кругленькое брюшко. Так оно у него и осталось.

В дальнейшем сколько раз ему приходилось слышать от посторонних:

— Вы-то никогда не голодали, откуда вам знать, до чего может довести нужда...

Невиль на это не отвечал. Окассен никогда не простил бы ему, открой он правду. Смерть Луизы семья объяснила скоротечным менингитом. У

менингита было то преимущество, что он не предполагал нищеты, в отличие от неназываемой болезни.

Во время этой последней бессонницы граф заново пережил все это, вплоть до искушения ненавистью.

«Кого ненавидеть? Отца, замок? Кто кем владел? Кто убил мою сестру? Мой отец был продуктом своей среды, он не мог вообразить другой жизни, кроме той, для которой его воспитали. Подростком я проклинал его, но и сам не выбрал иного пути. Я сделал лучшую карьеру, моя семья не знала нищеты — однако же, по примеру Окассена, я всегда вел себя так, будто цель жизни состоит в том, чтобы принимать себе подобных».

Его отец, угрюмый, молчаливый, раздражительный, становился во время приемов разговорчивым и красноречивым, расточал улыбки и любезности; его забитая мать вдруг превращалась в светскую женщину, изящно одетую и блистающую хорошими манерами. В детстве за все это он обожал garden-parties. Как и Луиза, называвшая их шальными днями.

Она забиралась утром к братишке в кровать и говорила:

— Просыпайся, сегодня шальной день. Я надену мое красивое платье, а ты твой шикарный костюмчик, мама меня причешет. Будут свечи, и цветы, и музыка, я буду принцессой, а ты принцем. А когда гости уйдут, мы поедем самых вкусных вещей на свете!

Анри унаследовал от Окассена искусство принимать гостей, то есть превращать простое

светское событие в искрометную феерию, когда на несколько часов каждый становился великим человеком, каковым по нелепым причинам не был в повседневной жизни.

Часто бывая в гостях, Невиль быстро убедился, сколь редок этот дар: за немногими исключениями, знатные семьи принимали плохо. Вы оказывались зажаты в толпе в душной гостиной среди стариков с крашеными волосами и шумных дамочек, вам приходилось толкаться, чтобы получить бокал сомнительного вина или кусочек хлеба и картонную тарелку, которую не хотелось наполнять банальными закусками, а уж людей вы встречали, с какими зазорно и поздороваться.

Не случайно garden-party в Плювье была важнейшим светским событием бельгийских Арденн со столь давних пор: на один воскресный вечер становилось возможным поверить, что вы принадлежите к химерическому кругу, который именуется знатью, что дивные строки «О замки, о смена времен!»⁵ имеют смысл, что жизнь — это танец, полный изящества, с прекрасными незнакомками, чьи крошечные ножки едва касаются травы садов.

Сам он, не будучи таким двуликим, как его отец, знал, что прием гостей — его сильная сторона: он не был больше не в меру чувствительным человеком, страшившимся поговорить с собственной дочерью, он становился графом Невилем, всеми уважаемым аристократом, блестящим собеседником с

изысканными манерами и искрометным юмором, хозяином, способным расположить к себе даже самых норовистых гостей.

Он хорошо принимал гостей, потому что любил принимать.

Он знал, однако, как ужасен бывает незадавшийся вечер, какой скандал может вызвать присутствие гостя, не совместимого с духом места. Но когда задуманная гармония свершалась, Невиль испытывал несказанное счастье хореографа, который смотрит свой балет, смешавшись с танцующими, в восторге оттого, что удалось сотворить красоту там, где роду человеческому свойственно лишь первобытное насилие.

Надо ли было отменить garden-party по причине предсказанного убийства? Невозможно. Тем более немыслимо, что это будет последний прием, который устроит граф. Нельзя принимать гостей, не имея места *ad hoc*⁶: Плювье был для этого идеален, как и «Равенстайн». Отныне Невиль будет лишен своих подмошков. Вряд ли он станет принимать в Добродее, жалком домишке с убогим садиком.

Garden-party 4 октября 2014 года будет его последним шедевром. Подобно кинорежиссерам, которые с помпой сообщают, что после вышедшего нового фильма не будут больше снимать, граф хотел, чтобы это событие запомнилось.

«Увы, если ты убьешь на приеме гостя, то и вправду достигнешь желаемого, и это будет последняя garden-party, потому что потом ты надолго сядешь в тюрьму».

Перспектива заключения волновала его куда меньше, чем нарушение этикета.

Вдруг его осенила идея, показавшаяся ему замечательной: достаточно уже сейчас выбрать, кого он убьет. Ну да! Когда принимаешь сотни человек, не все нравятся тебе одинаково. Иных даже ненавидишь и порой представляешь себе их кончину с наслаждением.

Эта спасительная перспектива так его обрадовала, что он вскочил и закурился в танце. «Я откопаю топор войны», — подумал он.

Тем временем встало солнце. Плювье показался ему прекрасным, как никогда.

«Моя самая давняя любовь, последний праздник, который я тебе подарю в царствие твое, войдет в историю», — шепнул граф замку.

Он вернулся в дом, приготовил завтрак и отнес его на подносе своей супруге, которая еще спала.

— Ты лучший из мужей, — сказала она с улыбкой.

— Я хочу стать еще лучше, дорогая. Скажи, есть ли среди наших гостей четвертого октября кто-то, кому бы ты желала смерти?

— Ты хочешь отказать гостю, любимый?

— Наоборот.

Александра села в постели и налила себе чашку кофе.

— Когда мы были на вечере у Вутерсов в прошлом месяце, Шарль-Эдуард ван Иперсталь имел наглость сказать мне, что я еще красива. Этого «еще» я не могу ему простить.

- Какой хам!
- Ты пригласил Шарля-Эдуарда?
- Разве можно было его не пригласить?
- Ну вот тебе и ответ.

Анри уселся в своем кабинете и просмотрел список приглашенных на прием. Были там люди, которых он от души ненавидел. Он, как истинный рыцарь, держал в уме предложение жены, однако Шарль-Эдуард ван Иперсталь казался ему скорее симпатичным в сравнении со всякими там Жерарами де Мальмеди-Строанжами или ван Стенхистами де Бусхерами.

Он пометил галочкой каждое имя, которое было ему неприятно. Потом, окинув взглядом результат, насчитал двадцать пять отвратительных субъектов. Это показалось ему мало. «Я рожден любить, не ненавидеть»⁷, — подумал он, с удовольствием перефразируя «Антигону» Софокла в таком контексте.

Из этих двадцати пяти человек ему надо было выбрать самого одиозного. Этому титула удостоился Клеофас де Тюинан.

Убить Клеофаса!!! Каким это станет для него облегчением! Клеофас де Тюинан долго был казначеем клуба «Равенстайн», что делало его присутствие неизбежным на всех светских раутах Невилля. Подспудное соперничество всегда существовало между ним и Анри, на чье место он метил, но никогда не смог бы занять, ибо они были ровесниками. Клеофас говорил в нос, что придавало каждому его слову насмешливую интонацию, хотя за

ним не водилось никакой склонности к подтексту. Если его пытались подколоть по этому поводу, он утверждал, что у него аденоиды. Так что над ним нельзя было даже посмеяться, что делало его еще более ненавистным.

Если он убьет Клеофаса, его жизнь обретет смысл. Он не совершил ничего недостойного, но и ничего выдающегося тоже не совершил. Убийство Клеофаса де Тюинана на последней garden-party в замке Плювье станет блистательным завершением победы хорошего вкуса и изыска над духом корысти и зависти.

Все будут говорить: «Граф Невиль, о да, Анри Невиль, тот, кто отправил *ad patres*⁸ омерзительного Клеофаса де Тюинана на пышном празднике!» Замечательно, не правда ли, обеспечить этому убийству такой резонанс? Лучше, чем убрать кого-то мелочно, тайком, без блеска, как будто страшась последствий.

Он, тревожившийся прежде о том, как пойдет его жизнь, когда он поселится в Добродее, почувствовал себя свободным от этого лилипутского будущего. Состоится суд, его посадят в тюрьму. Александра станет его навещать, любящая, как никогда. Надо было признаться, до сих пор его чувство было сильнее. Она, конечно, любила его, но ему хотелось, чтобы она изнемогала от любви, и вот он, случай этого добиться, ему так и виделась трепещущая Александра в комнате для свиданий.

Но как убить Клеофаса? Анри вспомнил об охотничьем ружье Окассена, которое он спрятал на

чердаке в угловой башне. Он помчался туда — длинноствольный карабин двадцать второго калибра лежал на месте, заряженный. Отец научил его стрелять. «Охота — занятие для дворянина», — говорил он. Но миролюбивый Анри никогда не охотился.

«Во время приема я поднимусь сюда и через бойницу прицелюсь в голову Клеофаса». Ошибки быть не могло: после нескольких бокалов шампанского Клеофаса обычно мучила отрыжка и он удалялся в сторонку от компании. Этим и собирался воспользоваться Анри, чтобы выстрелить в бывшего казначея.

В нарастающем упоении, усугубленном бессонницей, подступающей старостью и чувством нереальности происходящего, его бедный мозг находил этот план великолепным.

Он покинул башню и, встретив Александру в анфиладе гостиных, обнял ее с особым пылом.

⁵ Строка из стихотворения Артюра Рембо, перевод Н. Яковлевой.

⁶ Для этого (*лат.*).

⁷ «Я рождена любить, не ненави деть» (Софокл. Антигона. Перевод С. Шервинского и Н. Познякова).

⁸ К праотцам (*лат.*).

Орест Невиль, двадцати двух лет от роду, должен был унаследовать титул после смерти отца. В глазах бельгийской знати это был идеальный зять — красивый, высокий, худощавый, наделенный рядом достоинств, как то: диплом инженера, совершенная вежливость, правильная речь и добрый нрав, приправленный склонностью к беззлобной насмешке.

Электра Невиль, двадцати лет, была самой завидной партией в избранном кругу: очаровательная, стройная, грациозная, улыбчивая, веселая, в числе достоинств диплом филологического факультета, искрометный юмор и подлинный гений кулинарии — ей случалось проводить дни и ночи в кухне замка, чтобы выстроить греческий храм из меренг или цистерцианское аббатство из сахарной глазури.

Как будто всех этих добродетелей было мало, Орест и Электра обладали необычайным качеством, усиливавшим их блеск: они лучше всех в Бельгии танцевали вальс. Их приглашали на все балы знати и во все танцклассы, где они служили примером. «Никто не ведет с такой изящной твердостью, как Орест, никто не вальсирует с такой пикантной грацией, как Электра», — говорил учитель новичкам. Пара брат—сестра любила, надев красивые наряды, вальсировать до самого утра в антверпенских дворцах или брабантских усадьбах.

Даже в свете предстоящей продажи Плювье Орест

не стал котироваться ниже. «В день, когда этот юноша женится, девушки из высшего общества облачатся в траур», — твердили все. Он один, казалось, не замечал всеобщего внимания и был скромен, что придавало ему редкостное обаяние.

Что до Электры, ее окружала аура столь необычайного шарма, что выглядела она почти недосыгаемой. Она тоже единственная как будто не понимала, сколь шокирующей может быть ее чрезмерная красота: с бесконечно длинными волосами цвета каштанового меда, фигурой балерины и лицом мадонны, она казалась скорее феей, чем девушкой на выданье.

Стало быть, Орест и Электра были еще не связаны брачными узами. В двадцать с небольшим что может быть естественнее? Но на праздниках они обычно пребывали в одиночестве. Юноши и девушки обращались к Серьёзе, достаточно невзрачной, чтобы служить наперсницей, и говорили ей: «Твоя сестра!» или «Твой брат!» — с душераздирающими интонациями.

Серьёза отвечала: «Она вас ждет» или «Он вас ждет», а ее не слушали. Она сама была самой горячей поклонницей своего брата и особенно сестры. Больше всего на свете она любила присутствовать при сборах Электры на бал, а та охотно позволяла сестренке смотреть на себя, пока наводила красоту. Когда произведение искусства было завершено, она поворачивалась к Серьёзе, а та говорила: — Выходи за меня замуж.

— Ты одна просишь моей руки.

— Ты слепа, Электра. Все без ума от тебя и не смеют к тебе подойти.

— Почему?

— Потому что ты идеальна, а они заурядны. Я наблюдала за ними. Они запросто ухаживают за девушками, которых и хорошенькими-то не назовешь. Они донимают меня дрожащими голосами, лепеча комплименты в твой адрес, а потом — хватать какую-нибудь проходящую мимо Мари-Астрид или Анн-Соланж.

— Что же ты мне посоветуешь?

— Выходи за меня.

С Орестом дело обстояло иначе, потому что проявлять инициативу полагалось ему. Когда он знакомился с девушкой, та моментально глупела — либо и без того была глупа, либо так действовал на нее шарм молодого человека. Вальсируя с Электрой, он говорил ей: — Ты не только красивее всех, ты и всех умней. Выходи за меня замуж.

— Кроме брата и сестры, никто не хочет на мне жениться.

— Нам бы пожениться всем втроем.

— Я не уверена, что Серьёза захочет тебя в мужа, мой бедный Орест.

— Я и сам не уверен, что хочу ее в жены.

— Только не надо злословить о моей сестренке.

— Как жаль, что она не дурнушка! Хоть характер бы был!

— Прекрати. Характера у нее на двоих хватит.

— Никогда бы не подумал.

— По крайней мере, ты признаешь, что она не дурнушка.

— Но и не красавица.

— Ей всего семнадцать лет.

— Ты в шестнадцать уже была убийственно красива.

— Однажды Серьёза нас удивит.

— Ты хочешь сказать, что однажды она перестанет выглядеть отсутствующей?

— Когда она со мной, она так не выглядит.

— Она не может прожить с тобой всю жизнь.

— Откуда тебе знать?

— Перестань, можно подумать, ты неликвидный товар.

Электра думала, что не отказалась бы поселиться вместе с Серьёзой. В те считанные разы, когда ей брезжил флирт с каким-нибудь Жеан-Себастьяном или Пеллеасом, она думала, что умрет от скуки. С сестренкой же ей всегда было весело и интересно. Она, как и все, заметила, что Серьёза коренным образом изменилась в двенадцать с половиной лет, но считала ее такой же замечательной, как и прежде.

Замысел, который с утра воодушевил графа Невилля до упоения, после обеда показался ему сомнительным. Что Клеофас заслуживал смерти, ни для кого не было тайной. Но убить на garden-party! И как он мог надеяться снискать этим восхищение Александры?

Для очистки совести он позвонил Эврару Шверингену, который знал все, абсолютно все об истории бельгийской аристократии с 1830 года.

— Дорогой Эврар, мне нужны твои познания. Есть ли прецедент в плане убийства на светском приеме в нашей среде?

— Есть, и много. Я не могу перечислить все, дорогой Анри.

— Немаловажная деталь: речь идет о случае, когда убийцей был тот, кто принимал?

— Конечно. Князь де Ретор-Каросс убил герцога де Муаланвеза на коктейле, устроенном князем в честь дня рождения короля, баронесса де Бернах убила виконтессу де Ламберти на благотворительном балу, который она давала в своем поместье, и так далее. Таких случаев тоже предостаточно. Реже бывает, что гость убивает хозяина: это труднее оправдать. Тогда как если хозяин убьет гостя, все это поймут.

— Ты хочешь сказать, что не было последствий?

— Что ты себе вообразил? Закон суров, но справедлив, разумеется.

— Я имею в виду общественное мнение. Как наш

круг обошелся с этими убийцами?

— Наш круг все прекрасно понял и продолжал принимать их и их родных.

— Как можно принимать людей, которые в тюрьме или на эшафоте?

— Посылая приглашительные карточки на их имя.

Ошарашенный Анри помолчал.

— Еще один вопрос, — снова заговорил он. — Были ли названные тобой убийства предумышленными?

— Разумеется, нет.

— Почему разумеется?

— Будь они предумышленными, в нашей среде это сочли бы неприемлемым. Убить гостя в порыве гнева — в этом есть класс, есть шик. Замыслить же убийство гостя — значит доказать наигрубейшим образом, что ты пренебрегаешь искусством принимать гостей.

— Значит, ты не можешь назвать мне ни одного случая?

— В нашей среде? Ты бредишь, дорогой Анри.

— Может быть, в одном из упомянутых тобой случаев имелся скрытый умысел?

— Умысел невозможно скрыть. Убийство выглядит совсем иначе, когда его замышляют заранее.

— Итак, что же будет, если один из нас убьет гостя умышленно?

— Ты знаешь это не хуже меня: он выпадет из нашего общества. Ни он, ни его близкие больше не будут гостями на наших приемах.

Невиль был ошеломлен жестокостью подобной кары.

— Но к чему твои вопросы, дорогой Анри?

— Как ты знаешь, в это воскресенье я даю garden-party и замышляю убийство, дорогой Эврар.

— Узнаю тебя. До воскресенья, дорогой друг, буду рад тебя видеть.

Невиль повесил трубку, закрыл лицо руками и поставил крест на убийстве Клеофаса де Тюинана.

«Я вернулся к исходной точке. Что за положение! Какой кошмар!»

В возрасте восьми лет Анри задал своему отцу ужасный вопрос. Он не спросил: «Дед Мороз — это папа и мама?» Не спросил: «Откуда берутся дети?» Вопрос был куда серьезнее: «Папа, быть знатным — что это такое?»

Окассен обратил на него пронзительный взгляд:

— А как по-твоему, сынок, что это значит?

— Я не знаю.

— Подумай.

— Жить в замке? — отважился мальчик.

— Нет, что ты! — ответил отец с презрением.

Униженный мальчик подумал, почему же в таком случае они готовы положить зубы на полку, лишь бы жить в Плювье.

— Подумай еще! — приказал Окассен.

— Быть из хорошей семьи?

— Этого недостаточно.

Анри опустил голову, совсем смешавшись.

А отец, помолчав, изрек грозным голосом:

— Быть знатным, сынок, это не значит, что у тебя

больше прав, чем у других, это значит, что у тебя гораздо больше обязанностей.

Мальчик ушел, перепуганный. Он свернулся клубочком в своей кровати, твердя, как мантру: «Быть знатным — это не значит, что у тебя больше прав, чем у других, это значит, что у тебя гораздо больше обязанностей», еще не понимая значения фразы, но восполняя это пылом, с которым она произносилась.

Четыре года спустя умерла Луиза. К этому времени, сам того не сознавая, Анри слегка изменил в уме заветную фразу: «Быть знатным — это значит, что у тебя меньше прав, чем у других, и гораздо больше обязанностей».

Луизу он любил больше всех на свете. В деревенской школе Анри ходил в один класс с детьми, которые не были знатными: эти дети хорошо питались, жили в теплых домах; когда они болели, к ним вызывали врача. Стало быть, их старшие сестры не умирали. Подсознательно Анри уже понимал, что быть знатным — значит терять любимых людей.

Но формулировка Окассена была полна двусмысленности: где кончаются права, где начинаются обязанности? Луиза умерла, потому что не имела права на достаточное питание, на теплую спальню и медицинскую помощь, а поскольку ее младший братишка был знатным, это предполагало потерю старшей сестры.

Из всех возложенных на него обязанностей эта была самой бесчеловечной. Но и другие, не столь ужасные, душили его: ему полагалось в любых обстоятельствах

производить впечатление безмятежности, непринужденности, достоинства, безупречного нравственного поведения, всего этого бессмысленно сложного сооружения, именуемого видимостью. Причем видимость была чрезвычайно хрупка. Рассказывали, что Картон-Трезы посетили всей семьей королевские оранжереи в Лакене; они были разорены, поэтому в час обеда достали из карманов упакованные в фольгу бутерброды и съели их у всех на виду. Кара последовала незамедлительно: их больше не хотели знать.

Анри жил в вечном страхе нарушить видимость. Сам он никогда не позволил бы себе не хотеть кого-то знать, тем более из-за каких-то бутербродов, но смирился с мыслью, что другие могут не захотеть его знать и по менее серьезной причине.

К этой постоянной тревоге добавлялся комплекс поколения. Существует временная граница, тем более нерушимая, что она неофициальна, эта граница делит человечество на два подвида, которые вряд ли могут когда-либо друг друга понять. Произвольно отнесем ее к 1975 году, сознавая, сколь вариативна эта дата в зависимости от страны и среды. Это грань, отделяющая детей, рожденных покорять, от детей, рожденных быть покоренными.

Дети старого мира имели право лишь на скудный паек внимания и любви, если только не старались изо всех сил покорить своих родителей; современные же дети, едва родившись, становятся объектом покорения со стороны своих родителей — которые сами имеют

право лишь на скудный паек любви. Это была революция в точке зрения: дети, которые в старом мире были лишь средством, стали главной, конечной целью.

Анри, родившийся в 1946-м, тем более принадлежал к старому миру, где знать была преградой этой революции: эта перемена точки зрения была запрещена законом дворянского происхождения. Знатный ребенок по определению обязан всем своему рождению, а значит, своим родителям.

Скажем для примера, если Окассен убивал на охоте куропатку, это не означало, что дети ели за ужином дичь. Кармен готовила птицу, подавала ее на стол, сначала графине, затем графу, а те и не думали оставить хоть немного детям, не потому, что были плохими родителями, а потому, что старый режим позволял им не думать о своем потомстве.

Александра, родившаяся в 1967-м, *a fortiori*⁹ в среде бельгийской знати, тоже принадлежала к старому миру; статус же их троих детей, рожденных в 1992, 1994 и 1997-м, был более двойственным. Современные по дате рождения, они были воспитаны в традициях старого мира родителями, которых среда сделала слепыми к этой революции. Орест и Электра к этой двойственности приспособились, а вот Серьёза увязла в ней, как в смоле.

⁹ Тем более (*лат.*).